

лему русской армии. Как раз в это время и бытовала песня о «Можайской дороге», о которой шла речь выше.

Большое влияние на репертуар части оказало участие бойцов в освобождении девушек-полонянок. С устным творчеством угнанных в рабство девушек одно подразделение нашей части (рота капитана Чумарина) познакомилась в Данциге. Рота участвовала в штурме и взятии Данцига и помогла освобождению заключенных в концентрационном лагере девушек. Но знакомство с песнями узниц было не личное, а по тем дневниковым записям и письмам, которые остались в лагере после ухода девушек. Тетради с песнями, дневники и письма были собраны комсоргом роты Иваном Михайловичем Голубем, и на политзанятиях бойцы читали эти волнующие документы. Многие песни были тут же переписаны бойцами, некоторые из них начали бытовать во всей части.

Большинство находившихся в лагере девушек было родом с Полтавщины. В их письмах, прочитанных бойцами, звучала такая горячая и неподдельная любовь к Родине, к близкой сердцу Полтавщине, что это тоже как-то отразилось на бытовавших среди бойцов песнях: количество украинских песен в части резко возросло. Особенной любовью пользовались те украинские народные песни, которые были найдены в тетрадях пленных девушек, причем бойцы называли эти песни «данцигскими» — по имени лагеря.

Известная и до этого песня «Любимый мой, пора моя настала»⁴ в части особенной популярностью не пользовалась. После же встречи с пленными девушками и чтения их дневников эта песня завоевала большую любовь и в течение 2—3 месяцев была самой популярной песней подразделения.

Совершенно исключительное значение для одного взвода имела встреча с бывшим партизаном, сидевшим в Данцигском концлагере и освобожденным оттуда Советской Армией, белорусом Могилевской области Тимофеем Петровичем Цыкуновым. Это был пожилой человек, с широким красным шрамом, тянувшимся от левой брови наискось через лоб и всю голову. Когда бойцы попросили его рассказать о пребывании в концлагере, то он передал им историю своего шрама. Вместе с четырьмя другими партизанами он был ранен, взят в плен и заключен в Данцигский концлагерь. После выздоровления их всех вызвали на допрос, партизаны ничего не сказали. Начальник лагеря приказал вырезать у них ленту кожи, начиная со лба и через всю голову, в знак того, что они были партизаны и носили на папах красные ленты. Залитых кровью партизан через весь лагерь повели на расстрел. По дороге они пели «Под частым разрывом гремучих гранат» — старую революционную песню (текст Тана-Богоразы). Их расстреляли; Цыкунов остался жить случайно: пуля скользнула по черепу и оглушила его, он свалился в яму. Ямы эти не засыпались, а заливались известью и еще каким-то дезинфицирующим раствором. От этого раствора он очнулся, сумел выползти и был подобран снова военнопленными. Они привели его опять в лагерь и спрятали в вырытой в полу яме до прихода советских войск. Цыкунов сложил песню, которую тайком вполголоса стали петь его товарищи по плену:

Под частым разрывом гремучих гранат
Отряд партизанов сражался.
Под натиском немцев, фашистских солдат
В расправу жестоку попался.

Припев:

Чище равняйся!
Грудью псдайсь!
В ногу, ребята, идите!
Бодро, не вешай голов!⁵

⁴ Текст М. Исаковского.

⁵ Припев повторяется после каждого четверостишия. Обращает на себя внимание близость припева к рефрену в известном стихотворении Беранже «Старый капрал».